

18+

Софья Шавир
Эла Шабашкевич

ВМЕСТЕ С ВЕКОВОМ

Софья Шавир
Вместе с веком

«Издательские решения»

Шавир С.

Вместе с веком / С. Шавир — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509800-9

Перед вами описание жизни двух еврейских женщин, живших в Советском союзе в период от Гражданской войны до его распада. Их судьбы отражают историю нескольких поколений людей, прошедших непростой путь в тяжелых условиях войны, разрухи, голода, опасностей и потерь. В итоге, при всех трудностях на пути, они обе построили достойную жизнь.

ISBN 978-5-00-509800-9

© Шавир С.
© Издательские решения

Содержание

Софья	6
Ливны	6
Революция	9
Ленинград	11
Университет	14
Гриша	16
Ташкент	18
Кисловодск	19
Война	20
Госпиталь	22
Дочка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вместе с веком
Софья Шавир
Эла Шабашкевич

Таня Галь *Дизайнер обложки*

Таня Галь *Редактор*

© Софья Шавир, 2019

© Эла Шабашкевич, 2019

© Таня Галь, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-9800-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Софья

Ливны

Я не помню своего раннего детства. Первые мои воспоминания – это маленький город Ливны Орловской губернии. Мне восемь лет, я четвертый ребенок в семье. Старшая сестра Сима – гимназистка, брат Мотя, сестра Эмма.

У нас большой дом, сад, есть корова, лошадь. Родители имеют мануфактурный магазин. Мама там и хозяйка и продавщица. Ловко отмеряет мануфактуру, умеет уговаривать покупателей. Она небольшого роста, но хорошо сложена, умная, быстрая. Папа красивый мужчина, часто в отъезде – закупает товар. Имея образование не более четырех классов легко справляется с бухгалтерией, все считает в уме. Они как один человек. Дружны, очень любят друг друга и все решают совместно.

Дома хозяйничает прислуга, кухарка, и дворник, который смотрел за скотиной и садом. Мама и папа работали целый день, а вечером садились считать выручку. Куры, индюшки покупались только живые, специально откармливались. Меня до сих пор иногда преследует неповторимый аромат маминого куриного бульона – такого я больше никогда не ела. Так шла жизнь, родители очень много работали, а мы – дети жили сами по себе.

С нами жили дедушка и бабушка – родители папы. Дедушка с красивой белой бородой – раввин, глубоко верующий. Почти все время он проводил в моленной, где обучал детей. Бабушка тихая, покорная, бессловесная. При жизни дедушки в доме сохранялся полный кашрут. Посуда делилась на мясную и молочную, также как и ложки, вилки, кастрюли. Не дай бог одним и тем же ножом отрезать масло и мясо! Всё очень строго соблюдалось. Обед на субботу готовился в пятницу в русской печи, которая закрывалась крышкой (специальной железной дверкой с ручкой) и замазывалась глиной. Обычно готовились очень вкусные вещи: кугель, челн, жаркое из жирной грудинки говядины или теленка, цимес и другое. В субботу все это было коричневого цвета и очень, очень вкусное.

Однажды мне кто-то дал кусочек колбасы и я пришла с ним домой. Дедушка увидел, что я принесла, закричал, возмутился: как я могла взять в руки и еще есть «хазер». Велел мне немедленно выбросить свинину, а сам схватил меня между ног и стал снимать ремень, но тут подошел папа и отнял меня у него. Такие порядки были в доме, пока был жив дедушка. Умер он в возрасте девяноста лет и вскоре, почти одновременно с ним, умерла бабушка. В доме после их смерти уже не соблюдались так строго еврейские обычаи.

Запомнился мне на всю жизнь один из праздников «ём кипур» или, как у нас говорили «инкипер». Согласно традиции, накануне этого дня над головой каждого члена семьи вращали живую курицу, произнося молитву, и приносили ее в жертву. Это называлось «капарес». В ём кипур, после целого дня поста, на столе стояло большое блюдо отварной курятины. Дедушка и бабушка были еще в моленной. И вдруг в дом с саблями и хохотом вошли «махновцы». Мама не растерялась и сразу пригласила их к столу, поставив бутылку водки. Они наелись, напились и полупьяные ушли. Но мама сказала, что это только начало. Они явятся снова. И действительно на следующий день Сима увидела в окно, что они идут снова. Мама, еще молодая и красивая женщина, боясь насилия над собой, сказала нам: дети, если будет плохо, кричите и я приду, но сейчас я должна спрятаться. Она вышла через черный ход. Бандиты с обнаженными саблями, с криками: «ну жиды, вынимайте золото!» подошли к бабушке. Они держали саблю над ее головой, я помню, как дрожала от страха. Старшая сестра обняла нас троих и просила молчать. Затем саблями бандиты порубили все картины висевшие на стенах и взяли за подушки. За несколько минут комната наполнилась пухом, трещали наволочки перин

и подушек. Перебив посуду, что встретила на их пути, ушли. Эти сцены запечатлелись на всю жизнь. Мама спаслась, а вот соседку, которая не успела уйти, изнасиловали и убили.

Родители были богатыми людьми, но когда я просила копейку или даже грош на леденцы, мама отказывала. Дома у вас есть все, нечего тратить деньги – говорила она. Папа потихоньку от нее давал нам иногда несколько копеек. За копейку можно было купить пакетик леденцов. Вся жизнь их была работа, накопление денег, без отдыха и передышки. Хорошо помню, что каждый вечер, когда из стада пригоняли корову, я подходила с большой кружкой и мне наливали теплое, с пеной парное молоко. А с мая месяца мы – дети ходили к соседке пить козье парное молоко. Мама считала, что майское козье молоко более полезно. Возможно, именно этому молоку я и обязана своим здоровьем.

Мне уже около девяти лет, а старшей сестре Симе семнадцать. Она влюблена в русского парня Лешу Веретенникова. Сестра меня любила, доверяла мне, и я стала у них почтальоном. Я носила записки от одного к другому. Местом их свиданий было кладбище. Оно было зеленое, всегда тихое, красивое и располагалось около железнодорожного вокзала. Роман этот продолжался уже более года. Записок их я не открывала и не читала, но одно из писем мне показалось заклеенным более тщательно и что-то меня толкнуло вскрыть его. Прочитав его, помню, присела на камне около какой-то могилы удивленная и испуганная. Леша писал: «...мы любим друг друга, но здесь у нас нет будущего. Твои родители никогда не согласятся на наш брак. Если ты наконец решилась на то, о чем мы много говорили, то давай действовать. Завтра в шесть утра отходит скорый поезд на Воронеж. Я с вещами буду ждать тебя на вокзале уже с пяти тридцати. Много вещей не бери, у меня есть деньги для начала жизни. Впереди у нас любовь и счастливая жизнь. Если ты любишь меня так, как я тебя, надеюсь, что ты решишься на этот шаг. Алексей.»

Интересно, что через столько лет я помню это письмо почти дословно. Письмо меня ошарашило. Долго я думала, как поступить. Не хотелось предавать сестру, но ещё больше не хотелось её потерять. Я беспокоилась за её будущее, жалела родителей и... решила показать письмо маме. Она прочла письмо и сказала спокойно: ты, Соня, не беспокойся. Только молчи! Ни звука ни кому! Ни о чем меня не спрашивай, я справлюсь сама.

Несмотря на все волнения я ночью крепко спала, а когда проснулась, увидела на соседней кровати рыдающую Симу. (Мы трое – Сима, Эмма и я имели одну спальню). Оказалось, что придя на вокзал, Сима узнала, что скорый поезд ушел полтора часа назад. Она опоздала. Наша предприимчивая мамочка во всем доме перевела часы назад. Призналась она в этом только несколько лет спустя, когда у Симы был уже новый роман и с евреем.

Семья наша считалась богатой и была уважаема. Дом из семи комнат, большой фруктовый сад, мануфактурный магазин. Раз в неделю на красивой повозке, запряженной парой лошадей, мама ездила на базар. Покупки делались крупные – по много фунтов и даже пудов. Все хранилось в хорошо оборудованном погребе. Там можно было найти всегда круглые, с красной корочкой, головки сыра, засоленные коровьи языки, головы сахара, мешки муки, бочки с засоленными арбузами, огурцами и многое другое. Мама была отличной хозяйкой и не умела покупать немножко. Бедняк всегда переплачивает – говорила она.

Революция

Время шло. К сожалению, не сохранились в памяти даты, помнятся лишь факты. Однажды, среди ночи всех разбудил громкий стук в дверь. Пришли люди в штатском, но с ордером на арест. Они описали все имеющееся в доме и сам дом, запретили что-либо выносить, как уже не принадлежащее нам, а папу арестовали и увели с собой. Утром мама увидела, что наш магазин тоже опечатан. Её заставили по акту сдавать всю имеющуюся в магазине мануфактуру. Рулоны шелка, бархата, сукна и других тканей измерялись и сбрасывались в контейнеры. Не один день мама работала с метром с утра и до вечера, и ей удалось за это время вынести за пазухой остатки некоторых материалов, кажется, целый чемодан.

Папа сидел в тюрьме шесть месяцев, свидания власти не разрешали. Потом объявили, что он высылается в город Тобольск сроком на пять лет, после которых не сможет жить в центральных городах России. Когда будущих ссыльных, еще недавно достойных и уважаемых граждан, подвели к поезду, их окружила полиция и родным не разрешили с ними проститься. Это было ужасно! Мы все плакали, пытались подать отцу знак, но смогли увидеть его только на мгновение. Бедный наш добрый милый папа!

Новая власть забрала у нас все. Через неделю мама сказала, что все мы едем туда, где будет папа. К тому времени уже родились Сара, Мотя и Петя и у мамы на руках было пятеро детей. Старшая сестра Сима в это время училась в институте в Воронеже. Там она встретила со своим будущим мужем Евзоровым Залей. Он был высоким, красивым и, главное, евреем. Они поехали вместе с нами.

Помню наш убогий багаж – связанные в узлы подушки и одеяла, чайники, кастрюли и чемодан с остатками прежнего богатства. Ехали вначале поездом, а потом до Тобольска паромом. Тобольск оказался маленьким городком, где люди не ведали о существовании железной дороги. Нижняя часть города располагалась на берегу могучего Иртыша и длинная деревянная лестница вела к верхнему городу. В конце лестницы стоял, окруженный толстыми цепями, памятник Ермаку. Тротуаров не было. На главных улицах для пешеходов были проложены доски. После дождя и ли таяния снега грязь была непролазная. Зимы суровые, 40-5- градусов.

Жить было тяжело. А, главное, папу мы уже не застали. Его направили по этапу в Самарово, а потом через каждые три месяца меняли место его пребывания. Он рубил лес и за все пять лет мы его ни разу не видели. Кормились мы разными занятиями – варили мыло, варили конфеты, а потом мама дала объявление: «даю еврейские обеды». И у нас столовались десять – пятнадцать человек ссыльных. Около них и мы были сыты.

Помню страшные картины, когда через Тобольск стали проезжать ссыльные кулаки. Друг за другом по морозу пятьдесят градусов ехали сани. Их было очень много. Замерзшие люди иногда стучали в двери, просились погреться или кормящая мать просила впустить ее покормить грудью ребенка. Но это было строго запрещено. Порой люди плакали по обе стороны дверей. Мы с болью смотрели в окно на людей гонимых в далекую Сибирь на верную гибель.

Сима с Залей жили отдельно недалеко от нас. Сима была беременна и в скорости ждала ребенка. Однажды мы с мамой и Эммой пошли в баню и увидели там Симу. Она сидела на скамейке спиной к нам и нас не заметила. Из-за густого пара была плохая видимость. Я подошла к Симе и отпрянула. Вся её спина была в синяках и царапинах. Я, испуганная, побежала к маме. Для Симы эта встреча была неожиданной и нежеланной. Она скрывала от нас, что ее муж, этот долгожданный еврей, был настоящий садист. Теперь, когда мы увидели её истерзанное тело, ей пришлось рассказать нам правду. Мама заверила Симу, что избавит её от этого страшного человека, а ребенка возьмет к себе. Где шесть детей, там будет и седьмой. Назавтра мама как следует поговорила с Залей, предложила ему в течение суток убраться из Тобольска и навсегда забыть о Симе. Заля уехал и мы больше никогда о нём не слышали. Начав рассказ

о сестре, я пожалуй доведу его до конца. Сима родила мальчика. Назвали его Марком. Это был ангел, а не ребенок! Он родился с черными кудрявыми волосами, с необыкновенными глазами, которые меняли увет от зеленого до сине-голубого. Спокойный, улыбчивый. Видно такому ангелу место было только на небе! Он спал в кровати, которая стояла на палках похожих на лыжи, только поднятых кверху. Когда ребенку было около девяти месяцев случилось несчастье. Сима, читая книгу, ногой раскачивала кровать. Кровать перевернулась и ребенок ударился об пол головой. Что ни делали, спасти этого ангела не удалось. Сима, да и все мы тяжело пережили смерть мальчика.

Однако жизнь берет свое. Года через два Сима встретила с сибиряком Зубковым Александром Александровичем. Он был очень образованным интеллигентным человеком, приятным и обаятельным. Мама на этот раз не вмешивалась. За хорошую работу папу освободили досрочно, мы уехали, а Сима осталась с мужем.

Мы поселились в городе Полоцке. Жили в страхе, что кто-нибудь узнает, что мы бывшие ссыльные. Это и позорно и закрывает для нас – детей все дороги. Квартира в Полоцке – три комнаты, керосиновая лампа, деревянное корыто, русская печь. Папа пошел работать столяром. Мама завела огород, купили корову. Мама сама пекла хлеб в русской печи, месила его в деревянной кадке, и нам хватало вкусного хлеба с тмином на неделю. Такого вкусного хлеба, как мамин, я никогда больше не ела. Она вставала в четыре утра, топила печь, варила обед (таких вкусных обедов, как у мамы, я тоже больше не ела). К субботе пекла халы и любила дать кому-нибудь подержать халу в руке – «смотрите, она ничего не весит!». По утрам на столе стоял самовар, своё масло, свой творог и коричневое топлёное молоко из русской печки. Мама была удивительный человек. Она все успевала сама: стирка, уборка, огород, корова, семья. Папа её обожал и жили они очень красиво.

Ленинград

В Полоцке я закончила семь классов. Там учиться было больше негде и мне очень захотелось поехать в Ленинград (Это не так далеко) и поступить в техникум. В Ленинграде жила дальняя родственница. Родители знали, что она не согласится меня приютить. Но я не давала им покоя, плакала, просила отпустить меня. Папа, чтобы сохранить покой и тишину в семье, сказал маме: Ладно, пусть она посмотрит Ленинград. Я дам ей пятьдесят рублей (тогда это были большие деньги), она их истратит и вернется домой.

Двоюродная тетя встретила меня не очень доброжелательно и разрешила пожить у неё не более двух недель. Я разыскала и посетила несколько техникумов, но так как тогда мне ещё не исполнилось четырнадцать лет, мне везде отказали. На бирже труда, куда я попала простояв восемь часов в очереди, мне предложили пойти в швейный фабзауч. Я не умела и не любила шить и просила что-то другое, он за отказ от предложенного меня сняли с учёта на шесть месяцев.

Я решила ни за что не возвращаться домой и доказать себе и родителям, что я на что-то способна. Но увы ...не было ни жилья ни работы. Случайно познакомилась с еврейским парнем Додей. Он был вдвое старше меня, пожалел меня и проникся желанием помочь. Он повел меня к своей приятельнице в надежде на её помощь.

Лида, так звали его подругу, жила в четырнадцатиметровой квартире с двумя сыновьями двух и четырех лет. Она предложила мне жить у неё при условии, что по утрам я буду отводить её сыновей в садик и ясли, а вечером приводить домой. Мне не оставалось ничего другого, как согласиться. Спала я под обеденным столом, куда Лида клала матрац – другого места не было. Дети были капризы и было тяжело с ними справляться. Одного несла на руках, а другого тащила за руку. К счастью детский сад и ясли были не далеко от дома.

Как-то возвращаясь из садика по Невскому проспекту, я прочла объявление, висевшее неподалеку от Казанского собора: Союзу строителей требуется уборщица. Канал Грибоедова 20. Я сразу туда отправилась. Группком союза строителей занимал одну комнату, и сотрудников было четверо. Начальник по фамилии Поляков, бухгалтер и две сотрудницы. Услышав о моем желании получить эту работу все повставали с мест и окружили маленькую девочку. Ростом я действительно не удалась, да и худа была. Не помню, что я врала о своем сиротстве, безвыходном положении и обещала очень стараться. Короче, удалось уговорить Полякова (очень хороший и добрый он был человек) и меня приняли на работу с окладом сорок рублей в месяц.

Отведя детей, в семь утра я бежала на свою работу и у девяти, к приходу сотрудников, на столах был порядок, пол был вымыт. В течении дня выполняла разные поручения, как говорится, была на побегушках. В двенадцать часов был обеденный перерыв, и я бегала в ближайшую столовую. Все мне казалось вкусным и за семдесят-восемдесят копеек я вполне наедалась. Родителям писала, что всем довольна, работаю, в помощи не нуждаюсь, а на следующий год буду поступать учиться.

Началась зима. Поляков вручил мне ключи от сарайчика, где лежали дрова и просил с завтрашнего дня протапливать печь. Никогда раньше мне не приходилось топить печь и я примчалась на следующее утро как можно раньше. Вынесла во двор несколько толстых поленьев дров, топор. Попыталась разрубить их, но у меня ничего не получилось. Вышла на улицу, среди проходивших мимо увидела рабочего парня и упростила (иначе меня уволят с работы) наколоть мне дров. Принесла дрова, сложила в печь, но разжечь их мне не удалось. Поляков пришел первым, увидел мою неудачу. Из полена дров он наделал лучинки, показал мне, как их нужно расположить, чтобы они разгорелись и растопил печь.

У меня появилась проблема. Целый день я думала о том, что если не научусь рубить дрова, потеряю работу. Работа была для меня очень важна, я хотела быть самостоятельной

и не просить помощи у родителей. Когда закончился рабочий день, я осталась, чтобы поучиться рубить дрова. Успехи были не ахти. Ночью плохо спала и решила, что если не научусь рубить дрова и топить печь, то и инженером никогда не стану. Тяжело далась мне эта наука, но я справилась. И приехав летом в отпуск, продемонстрировала родителям своё умение колоть дрова.

Однажды Додя пришел ко мне в выходной день и предложил зайти к нему. Додя жил у дяди. Мне очень хочется рассказать об этом человеке, которому я многим обязана. Жили они на углу Гороховой и Фонтанки в большой коммунальной квартире. Жильцов было одиннадцать, и на двери было одиннадцать звонков. К ним нужно было звонить восемь раз. На кухне одиннадцать маленьких столиков. На каждом примус или керосинка. Додя и Самуил занимали маленькую комнату. Самуил был музыкант, скрипач. Он многие годы работал в оркестре Мариинского театра. Это был пожилой седой человек, судьба которого сложилась трагически. Он был женат и горячо любил единственную дочь. Жена оставила его когда девочке было восемь лет и не разрешала ему навещать ребенка. Он очень страдал и искал всякие способы встречаться с дочерью. Когда мы познакомились, дочь его была моего возраста. Не знаю, это ли было причиной его теплого ко мне отношения или я ему просто понравилась. Он заявил, что Додя от него уходит, и я могу переехать к нему жить ибо это не дело спать под столом и возиться с мальчиками. Я написала об этом домой. Мама тут же приехала в Ленинград. После знакомства с Самуилом она уехала успокоенная, разрешив мне к нему переехать.

Помню, на Сенном базаре мы с Самуилом купили для меня детскую кровать, она была дешевле. Самуил был бедный человек, но добрый, интеллигентный. Забота обо мне как то скрашивала его одинокую жизнь. По своему интересной была жизнь в коммунальной квартире. Собирались на кухне совсем разные люди, но старались быть уважительными друг к другу. Всегда очереди у туалета и ванной. Однако мне всё было хорошо, я всем была довольна. Молодость!

После нескольких месяцев работы уборщицей я получила повышение – меня назначили курьером с окладом шестьдесят рублей. Вот тут то и начались мои мучения! Я должна была вручать повестки и служебные документы людям работающим в разных местах Ленинграда, где шли ремонты квартир и строились дома. Совсем не зная города я не пользовалась трамваем и всюду ходила пешком. Путалась, блуждала, страшно уставала. Запомнился один жаркий день в августе. Был полдень, солнце палило, в расплавленном асфальте застревали каблуки. Мне нужно было вручить бумажку рабочему Хлебникову (до сих пор помню его фамилию), который должен был работать на седьмом этаже. Поднялась по лестнице на седьмой этаж (лифта в доме не было), но никаких рабочих там не оказалось. Кто-то сказал, что ремонтируется квартира на первом этаже. Однако там работа была закончена и меня послали на шестой этаж. Вручив наконец повестку я, мокрая от пота, измученная, села на ступеньках дома и даже заплакала. У мамы сейчас я бы ела блинчики с творогом, думала я, но... нечего распускаться, сказала я себе. Хочешь стать кем-то, держись!

Не помню сколько времени я проработала на канале Грибоедова курьером. Каким —то образом я узнала, что на Выборгской стороне на заводе «русский дизель» набирают учеников для работы на различных станках и принятым предоставляют общежитие. На завод меня приняли и тут же оформили в комсомол. С работой на станках ничего не получилось и мне предложили работу в комсомольской организации. На заводе было много молодежи. Меня ввели в состав комитета и я должна была собирать членские взносы, писать протоколы и заниматься организационными делами.

Общежитие дали на окраине Ленинграда в Озерках. На трамвае номер двадцать нужно было ехать туда больше часа. В комнате нас было десять. Летом было хорошо, купались в озерах, но зимой в почти неотопливаемой комнате приходилось несладко. Получала я тогда восемьдесят рублей.

Университет

Открылись курсы подготовки в высшее учебное заведение и я на них поступила. В то время окончившим такие курсы или Рабфак можно было поступить в институт. Потом, окончивши университет, я всю жизнь чувствовала некие пробелы в моем образовании. Например, никогда не учивши географию, я не имела понятия не только где расположены разные города, но и страны и континенты.

Днем работала на заводе, вечером училась на курсах. Через год, получив удостоверение об окончании курсов, я с семиклассным образованием подала документы в Ленинградский университет на химический факультет. Товарищи по учебе помогли исправить в метрике возраст, чтобы получилось восемнадцать лет вместо семнадцати. Определенная специальность меня не привлекала, поэтому узнав, что на биологическом факультете меньше претендентов на одно место, я перевела свои документы на биофак и после экзаменов была принята на химико-бактериологический факультет.

Сразу получила общежитие на Мытниковской набережной, где из наших окон видно было Петропаловскую крепость. Комната на четверых на седьмом этаже. Сбылись мои мечты. Я была счастлива!

Это был 1932 год. Жизнь в стране была тяжелой, люди недоедали. Стипендия была сорок рублей, но на руки мы получали талоны на трехразовое питание, два куса мыла (туалетное и простое) и два рубля деньгами. Кормили так: утром винегрет, ломоть хлеба или пшенная каша и кипяток без ограничений. О сахаре и речи не было. В обед щи, в которых картошка редко попадалась, на второе чечевичная каша, кусок хлеба и горчица вволю. Вечером снова винегрет, хлеб, кипяток. Хлеб казался очень вкусным, но мы не всегда разрешали себе его скушать. Часто, завернув его в белую бумажку, мы продавали его на базаре, а на вырученные деньги шли в кино, а иногда и на последний ярус Мариинского театра. А по вечерам, веселые и голодные, бегали по комнатам общежития в поиска завалившейся у кого-то корочки.

В нашей комнате жила бакинка Галя Колиснеченко. Мама часто присылала ей продуктовые посылки и нам-соседкам иногда перепадало что-то вкусенькое. Галя была тупая, плохо училась, но имела идеальную фигуру и занималась в балетной школе Мариинского театра. Я помогала ей в учебе и однажды даже сдала за неё экзамен, за что меня чуть не исключили из комсомола, что закрыло бы передо мной все дороги к образованию.

Несмотря на все трудности годы студенчества были прекрасными годами! Полное безденежье и недоедание ничуть не омрачали настроение. Наша комната была на седьмом этаже. Конечно, не было никакого лифта. Легко, без остановки поднимались на седьмой этаж. Какое чудо молодость! Я радовалась всему: студенческой дружбе, встречам, новым знакомствам. Любила наш университет, прогулки по его длинному прямому коридору. По одной стороне коридора стояли статуи знаменитых ученых, а по другой застекленные полки с книгами. Коридор был таким длинным, что конца его не было видно, и заканчивался дверью в библиотеку. Большой читальный зал, бесконечные книжные полки, настольные лампы с зелеными абажурами. Много часов я провела в этом зале!

Одно время у нас применяли метод бригадного обучения. Класс разбивался на группы по пять – шесть человек. Занимались вместе, а экзамены сдавал кто-то один, как представитель бригады. Вся бригада получала ту оценку, на которую её представитель сдал. Нас это устраивало. Я училась хорошо, память была прекрасная. Часто после ухода лектора студенты моей группы кричали: давай, Сонька! И я повторяла лекцию почти дословно. Мне посчастливилось слушать лекции крупных ученых, известных и уважаемых в своей области во всем мире. Это профессора Лондон, Ухтомский, Энгельгарт, Кошкарлов.

Физиолог – профессор Ухтомский, крупный, широкоплечий, высокий мужчина, носил обычно длинную шелковую рубашку поверх брюк и подпоясывался кушаком. О его личной жизни мы узнали случайно в связи со следующим случаем. На практических занятиях по физиологии на специальном столе, предназначенном для операций, лежал большой красивый кот, уже усыпленный наркозом. Профессор вошёл, ассистент подал ему скальпель, Ухтомский провел по телу кота скальпелем, и мы увидели, что он вдруг зашатался и потерял сознание. Когда его привели в чувство, он кинулся спасать кота, и в его глазах стояли слезы. Оказалось, что на операционном столе оказался его единственный друг – кот Васька, который прожил с ним вместе много лет. Мальчишки за деньги приносили в университет собак и кошек. Ваську видимо украли и тут же сдали в университетские лаборатории. Профессор узнал его после того, как сделал разрез. Ваську он спас, забинтованного унес на руках, и урок не состоялся. Нас поразило, что этот большой ученый никогда не имел семьи и жил одиноко со своим котом.

Профессор биохимии Энгельгарт проживал в Москве и два раза в неделю прилетал в Ленинград читать лекции в университете. Лекции его были очень интересные и это, пожалуй, единственный предмет по которому у меня ещё сохранились какие – то знания.

В годы моего студенчества Российская Академия наук находилась в Ленинграде и мы – студенты развлекались проверяя время по знаменитому физиологу академику Павлову. Утром точно в девять утра он шёл в Академию наук мимо окон университета, ровно в двенадцать он возвращался никогда не опаздывая ни на минуту. При всем общем убожестве и простоте нашей жизни, все, что касалось университета, нашей профессуры вызывало у нас глубокое уважение. Это был другой мир.

Когда я закончила университет, сдав все экзамены на пятерки и получив диплом с отличием, профессор Энгельгарт предложил мне остаться в университете у него на кафедре, пройти аспирантуру и стать научным работником. Но я была молода, не имела никакой финансовой поддержки и умного друга, который бы дал мне правильный совет. Я не поняла важности этого предложения и отклонила его. Профессор вручил мне письмо на кафедру биологии Ташкентского университета, но долго я там не задержалась.

Гриша

На третьем курсе у меня появился кавалер. Звали его Гриша. Он был худой, очень высокий, довольно красивый. Под руку взять меня он не мог, так как был значительно выше меня, а водил за руку. Он был лучшим баскетболистом и, вообще, всеобщим любимцем. Но чтобы иметь полное представление о нем, придется рассказать его биографию.

В маленькой деревушке под Рязанью жила молодая, совершенно неграмотная женщина. Муж бросил Марию Фоминишну, сказав, что едет на заработки в Ташкент. Беременная, на девятом месяце, оставшись без средств, она приехала в Ташкент на поиски мужа. Там она попадает в родильный дом, где рождает сына. Роды принимает молодая врач – еврейка, у которой полгода тому назад родился мальчик. При выписке из больницы Мария Фоминишна рассказала свою историю врачихе и слезно просила помочь ей устроиться работать в больнице. Врач предложила расстроенной женщине поселиться у неё в доме и стать нянькой её сына Гершика.

В интеллигентной еврейской семье росли и учились два мальчика. К Гершику приглашались учителя английского языка, музыки, а Гриша из кухни ко всему прислушивался, схватывал. Прожив в этой семье семнадцать лет, он вырос разумным, воспитанным, развитым парнем. Ничего у него не осталось от деревенской матери. В 1931 году он поступил в Ленинградский университет на физический факультет. Когда мы встретились с ним, он был студентом четвертого курса.

Гриша влюбился в меня и не оставлял меня в покое. Я не могу сказать, что разделяла его чувства. Как то он сделал мне предложение и позвал меня в ЗАГС. Я ему ответила, что замуж не собираюсь, уж лучше брошусь в Фонтанку. Это, конечно, было глупо и обидно. Он ушел, ничего не сказав, а вечером меня вызвали на экстренное комсомольское собрание. Оказалось, что Гриша пытался повеситься. К счастью, соседи по комнате вернулись в это время и вытащили его из петли. Меня стыдили, упрекали за то, что я могла пренебречь таким замечательным парнем и так обидеть его. Собрание постановило, что я должна одуматься, и мы должны быть вместе. Моя мама на несколько дней приехала в Ленинград. Познакомившись с Гришей, она сказала: он не жилец на этом свете, больной, туберкулезный. Я как-то этого не видела.

Гриша кончил университет в 1936 году и уехал в Ташкент взяв с меня обещание приехать к нему. Мне оставалась учиться еще год. В это время отменили дипломные проекты в конце срока обучения и заменили их сдачей государственных экзаменов. На нашем факультете кроме специальных предметов ввели ещё зоологию и ботанику и продлили срок обучения на год. Мне не улыбалась перспектива задержаться в Ленинграде ещё на год, я начала скучать по Грише. Решала все быстро, договорилась в деканате, что через три месяца сдам зоологию и ботанику вместе с шестым курсом, которому уже прочли эти предметы. И началась сумасшедшая работа. Девочки, с которыми я вместе жила в общежитии, любили меня и очень мне помогли. Они уходили, чтобы не мешать мне заниматься, приносили из столовой завтрак, обед и ужин, чтобы я не теряла времени зря. Я вставала в четыре утра и зубрила зоологию. Занималась по шестнадцать-восемнадцать часов успешно осваивая материал. Помню, один из знакомых студентов говорил навещая меня: это возможно потому, что это половая доминанта. Короче, к сроку сдачи экзаменов я знала оба предмета хорошо. Когда шла на экзамен по зоологии, мечтала получить вопрос о рептилиях и, конечно, получила его. Бог всегда был со мной. Я отвечала блестяще. Все экзамены сдала на пятерки и получила диплом с отличием. Тут же послала Грише телеграмму, что закончила учебу и еду к нему.

Ташкент

Профессор биохимии Энгельгарт вызвал меня и предложил остаться у него на кафедре. Это было прекрасное предложение и я могла бы сделать отличную карьеру. Но я сказала ему, что выхожу замуж и еду в Ташкент. Тогда он дал мне письмо в Средне-Азиатский государственный университет с обещанием, что я буду принята на работу младшим научным сотрудником.

В Ташкенте меня встретила десятиметровая комната в подвальном помещении, бедность, простая русская женщина, мать Гриши. Она все время, пока сын учился в Ленинграде, работала санитаркой в больнице и ухитрялась из своего сорокарублёвого жалования посылать сыну двадцать рублей. Первое, что она сказала: она хорошенькая, хотя, кажется, евреечка.

Привыкнув жить на гроши, Мария Фоминишна покупала все самое дешёвое, иногда просто несъедобное. Гриша сердился, он не был к ней особенно внимательным. Я относилась к ней лучше и она не знала, что для меня сделать. Я учила её читать и писать, что было непросто, но еще сложнее оказалось научить её покупать нормальные доброкачественные продукты, хотя и более дорогие. Гриша демонстративно выбрасывал купленные матерью по дешевке продукты. Запомнилась её поговорка: чем в таз, лучше в нас. Но я добрым и внимательным отношением постепенно изменила её. Я не знала тогда, что эта простая, утомленная трудностями жизни женщина с золотым сердцем позднее спасет мне жизнь.

Меня приняли на должность младшего научного сотрудника в Ташкентском университете, но платили там очень мало и по совету Гриши я пошла работать в школу. Работа мне понравилась. Я была веселой, острой на язычек, ученики хорошо приняли меня. Гриша тоже преподавал. Мы оба много работали и я попросила мать Гриши бросить работу. Я приехала в Ташкент в 1937 году, а в 1938 у нас родилась дочка. Родилась она слабенькой, семимесячной и пришлось её выхаживать. Записав в ЗАГСе дочь, мы зарегистрировали свой брак.

В Ташкенте была нестерпимая жара, днем температура доходила до 45 градусов, солнце палило нещадно. Дочка и я сама очень тяжело переносили эту жару и я решила переехать в Кисловодск. Там жили мои родные. Сестра Эмма работала бухгалтером в санатории. Мой папа умер, когда я училась на пятом курсе. Мама с братом Петей и сестрой Сарой переехали в Кисловодск в красивую комнату с верандой, которую Эмме удалось достать для них.

Кисловодск

У Эммы с детства был своеобразный и довольно трудный характер. Первое её замужество продлилось недолго. После ссылки она приехала в Кисловодск одна, устроилась на работу, была всем довольна. Летом мама жила в сарайчике, а комнату сдавала курортникам, как многие делали в те времена. Она говорила: вот теперь я знаю как надо жить, как живут умные люди. Мы с папой только работали, хотели ещё и ещё заработать, света божьего не видели... и к чему пришли?!

Как-то в санаторий, где работала Эмма, прибыла комиссия с ревизией. Главным ревизором в этой компании был очень интересный мужчина Колодяжанский Юрий Константинович. Он, по специальности бухгалтер-ревизор, в основном проверял работу Эммы и в результате увлёкся ею. Стал настойчиво ухаживать. По натуре он был ловелас, бабник, но выглядел очень солидно и производил прекрасное впечатление. Он рассказал Эмме, что пять раз был женат, но не разу не регистрировал брак. Сейчас он свободен и так сильно заинтересован в Эмме, что решил остаться в Кисловодске. Он упорно и красиво ухаживал за ней, но любовницей его она не стала. Она раскусила этого человека и никакие старания его не дали результата. В конце концов он женился на Эмме и потом признался, что если бы она отдалась ему до свадьбы, он бы на ней не женился. Колодяжанский устроился работать директором ресторана, добился хорошей квартиры, которую богато обставил, в общем создал сестре роскошную жизнь. Он поставил лишь одно условие – не сориться и никогда не делать ему замечаний.

Прошло несколько месяцев красивой жизни и он стал приходить домой поздно и пьяным. Эмма, соблюдая поставленное условие, встречала его улыбкой, с чашкой чёрного кофе. И ни слова упрёка. Сама в это время попросила своего хорошего знакомого пригласить её с мужем в ресторан и хорошенько зав нею поухаживать. Тот согласился, весь вечер танцевал с ней, целовал ей руки и в довершение всего поцеловал её. Юрий Константинович, сославшись на головную боль, предложил жене ехать домой. Дома он закатил ей скандал на что Эмма упрекнула его в несоблюдении соглашения. Ведь она никогда ни одним словом его не попрекнула. Таким образом ей удалось положить конец его загулам. Однако прожив с Эммой много лет, имея двух дочерей, будучи хорошим семьянином, он изменял ей.

Я устроилась химиком в городской санитарной станции, Гриша учителем физики в 5—6 классах. Мы с Элочкой и Марией Фоминишной жили на станции Минутка около хлебозавода. От Кисловодска ехали Электричкой две станции.

В это время Гриша начал болеть. Временами лежал в туберкулезной больнице с диагнозом миллионный процесс туберкулёза верхушек легких. Он был заразен, выделял туберкулёзную палочку. В то время лечить эту болезнь не умели и я всегда благодарю бога, что он сохранил от болезни меня и ребёнка. Гриша перестал работать и, чтобы семья не нуждалась, я устроилась работать на молочно-контрольной станции на базаре. Базар в Кисловодске начинался в пять утра и люди из деревень привозили разные молочные продукты, которые имели право продавать только после проверки. Лаборатория находилась в маленькой комнатке рядом с милицией. Я была там единственной и полной хозяйкой. Я определяла кислотность и жирность молока, проверяла творог, сливки, сметану. Продукты, которые я брала на пробу, оставались, что облегчало нашу жизнь. Да и Гриша ел вволю масло и сметану. В семь утра я закрывала лабораторию, а с восьми начинала свою основную работу на санитарной станции. Дома хозяйничала мать Гриши и смотрела за ребенком.

Война

22июня 1941 года (это было воскресенье) утром мы услышали из висящего во дворе громкоговорителя, что началась война. У населения города забрали радиоприёмники. Я ходила на ночные дежурства в горком и другие учреждения. Было страшно, хотя мы считались глубоким тылом. В 1942 году стали к нам в Кисловодск на самолётах привозить из Ленинграда ученых, профессоров и других известных людей. На них было страшно смотреть – опухшие, опустившиеся, изголодавшиеся дистрофики. Они набрасывались – я это наблюдала на базаре – на продукты и были специально организованы дежурства, чтобы помочь им не переедать, ибо после голода это очень опасно.

В один «прекрасный» день мне вручили повестку: отбыть в город Моздок на рытьё окопов. Мать Гриши сказала: я тебя не пушу, у тебя ребёнок. На окопы поеду я. Мне, крестьянке, такая работа привычнее. И она уехала в Моздок. Мария Фоминишна спасла мне жизнь. Она через полгода благополучно вернулась в пустую квартиру, нас там уже не было. А все евреи, что были в Моздоке, были уничтожены.

Не помню ни месяца, ни числа того дня, в который застала придя на работу на санитарной станции страшный переполох. Кассир сбежал с деньгами, ни одной машины нет, начальство исчезло. Ничего не понимая поехала домой и у электрички встретила знакомого милиционера, который рядом со мной работал на базаре и мне симпатизировал. Он сказал мне: Соня, через два часа здесь будут немцы. Сейчас подойдет единственный поезд для работников МВД и милиции. Если сумеешь за полчаса собраться и взять семью, я постараюсь запихнуть вас в вагон. Я остаюсь здесь, таков приказ, но тебе нужно уехать. Вещи не бери, для них не будет места. Я бегом побежала домой. По счастливой случайности нашла дома у нас свою маму, которая зашла нас навестить. Схватили минимум вещей и помчались – я, мама, Гриша с Эличкой на руках к уже стоящему на путях поезду. Петя и сестра Сара находились в Кисловодске и ехать за ними не было времени.

Шла посадка, народу много, толкотня, давка. Мой дорогой милиционер посадил нас, помню, в предпоследний вагон, как свою семью. Проехали мы не более трёх-четырёх часов, как началась бомбёжка. Поезд остановился. Толкая друг друга, падая, люди в ужасе выскакивали из вагонов, кто в двери, кто в окна. Объявили по громкоговорителю приказ отбежать от вагонов и лечь. Маму я держала за руку, а Гриша с ребенком на руках мелькнул перед моими глазами где-то впереди. Лёжа на земле мы слышали оглушительный грохот, было очень страшно. Не помню, сколько мы лежали, но когда грохот немного утих, я задвигала плечами и поняла, что жива.

Раздался гудок паровоза и все бросились в вагоны поезда, который начал медленно двигаться. Люди толкались, давили друг друга стараясь успеть сесть. Я искала глазами Гришу с дочкой, но нигде их не видела. Тогда с замирающим сердцем я стала пробираться из вагона в вагон. Я по два-три раза побывала во всех вагонах, заглядывая на все полки и ...не нашла. Люди говорили, что не все пассажиры успели сесть. Кричала женщина, у которой отстала взрослая дочь, мужчина искал и звал кого-то. Мне было страшно вернуться к маме без ребенка. Нет у меня слов, чтобы передать моё ужасное состояние, это страшное горе – потерять единственного ребёнка. Элочке было почти четыре года.

А поезд мчался всё вперёд и вперёд. Я даже не плакала, а как-то окаменела. Не помню, сколько дней мы были в пути. Не могла ни с кем говорить, не могла спать, а в голове только одна мысль – живы ли? Где они? Ведь кругом война, а Гриша очень больной человек, сумеет ли он сохранить ребёнка?

Поезд пришёл в Баку. Нам велели освободить вагоны. Измученные, голодные мы вышли из вагонов и увидели страшную картину. Сотни людей сидели и лежали на земле. Был жаркий

день. Люди ждали прибытия парохода. Мама попросила меня пойти поискать и купить что-то съестное. Идти было трудно, люди сидели близко друг к другу и нечаянно наступила на ногу лежащего человека и он застонал. Я оглянулась и в этом стонущем человеке узнала своего брата Петю. Измученный, худой, в грязной одежде, он взглянул на меня и даже не узнал. У него не было сил подняться, и я поспешила за мамой. Мы увели его в тень, уложили у какого-то забора, напоили. Он узнал нас. Петя был болен дизентерией и был очень слаб. Хорошо, что близко была вода. Мама стирала его кровавые тряпки, выстирала его одежду – все сохло на ходу. Среди людей на вокзале нашёлся врач. Лекарств не было, но помню, он давал Пете кагор и ещё что-то.

Надо же было среди тысяч людей наступить именно на брата! С этого момента я поверила в Бога. Петя рассказал, что всю дорогу он прошёл пешком. Он умолял Сару пойти с ним, но по заданию комитета комсомола должна была остаться в тылу врага. Она, единственная в нашей семье, была блондинкой и совсем не походила на еврейку. Красивая, стройная девочка с черными глазами и длинными светлыми волосами. Через пару дней мы сели на пароход, а потом снова тряслись в поезде, который вёз нас на север.

Я не закончила рассказ о сестре Эмме. Её муж, предприимчивый и умный человек, не сдал свой радиоприёмник, а спрятал его и слушал сообщения и знал, что творили немцы. Он взял свою семью и за год до прихода немцев увез далеко на север. В дороге мы решили, что я и мама едем в Омск, где жила старшая сестра Сима, а Петя решил поехать к Эмме. Сима жила с семьёй в Омске. Мужа её, Зубкова Александра Александровича мы не застали, он был на Ленинградском фронте. У них был сын Игорь. Когда Сима увидела нас, первый вопрос её был: а где же твоя дочь?

На протяжении почти двух лет я ни слова не сказала о своем ребёнке никому. Никто не знал, что у меня есть дочь. Когда очень тяжело на сердце, говорить об этом не можешь.

Госпиталь

Время было трудное. Голод, буханка хлеба на базаре стоила 300 рублей. Сима работала стенографисткой, машинисткой. Она уходила утром и возвращалась вечером. Мама начала болеть. В молодости у неё был туберкулёз, который удалось залечить, но в результате всех переживаний и тяжелейшего переезда открылась каверна в лёгких. Мне нужно было найти работу, надо было жить, несмотря ни на что. Мне хотелось найти работу в месте, где давали бы дневной паёк хлеба в 400 грамм. После долгих поисков мне повезло. Случайно зашла в учреждение ведающее госпиталями. Встретила там еврея по фамилии Сокольский. Он посмотрел мои документы. Я рассказала ему о своем тяжелом положении и он помог мне. Направил в сортировочный эвакуационный госпиталь. В начале я работала там в отделении – получала питание для больных и раздавала им. Раненые были в основном после ампутации – без рук, без ног, с повреждением позвоночника. Кормили их отлично. Госпиталь получал американские продукты. Белоснежный и очень вкусный хлеб с маслом! Я его посыпала сахаром и ела вволю и очень ценила свою работу.

Раненых было около тысячи. Работать с ними было совсем не просто. Молодые люди ставшие калеками, пережившие ужасы войны, понимающие, что будущее их неизвестно естественно срывались на нас – работников. А какие страшные истерики были по получению писем от жён и невест не дождавшихся или не готовых к принятию калеки или больного. Бывали самострелы у солдат готовых к выписке и возвращению на фронт. Сердце разрывалось от сочувствия. Да и своя боль не проходила.

В соловой старшей диетсестрой работала малограмотная женщина. Она и повара много воровали. Начальник госпиталя тоже пасся там. Но скоро его сняли и пришёл новый начальник. Однажды он вызвал к себе в кабинет старшую диетсестру из столовой и меня. Задавал вопросы о химическом составе продуктов, калорийности пищи. Диетсестра не смогла ответить ни на один вопрос, ну а я, конечно, не растерялась и показала свои знания. Он тут же уволил диетсестру, как не соответствующую должности и назначил на её место меня. Я стала старшей диетсестрой госпиталя. Работники кухни приняли меня в штыки. Это был сработавшийся коллектив, в тяжелое военное время им жилось неплохо. Они не трогали меня, но в их глазах я видела ненависть. На моё счастье старший шеф-повар отнёсся ко мне доброжелательно. Дядя Саша, так его звали, худой высокий эстонец, был на кухне главной фигурой и сразу сказал, что познакомит меня с работой и поможет мне. Он стоял в стороне от коллектива поваров и посудомоек, вернее, выше их. Домой из госпиталя он никогда ничего не брал, имел свой дом, был холостяком. В первый день моей работы в новой должности он не ушёл домой по окончании рабочего дня, а задержался. Повёл меня по всем складам, где лежали туши мяса, коробки с консервами и сыпучими продуктами и многое другое – всё американское. Потом мы вместе составили меню на завтра. Начальник продовольствия Таня Погодина, мой непосредственный начальник, тоже приняла меня хорошо.

Утром следующего дня, зайдя на кухню, я застала двух поваров, которые снимали с молока, налитого в большие емкости, сливки в битончики. Я подошла, попросила вылить сливки обратно и предупредила, чтобы это было в последний раз. Смолчали, затаив злобу, зная, что за моей спиной стоят и шеф-повар и нач-прод и даже начальник госпиталя. Работа пошла. Днем я забывалась, было очень много работы, а по ночам металась, мучилась, думая только о дочке. Где же она? Жива ли? Узнала, что в городе Бугуруслане есть организация, которая разыскивает людей, потерявшихся в войну. Тогда эту организацию связывали непосредственно с именем Сталина. Так и говорилось, посылаю письма Сталину с просьбой о розыске. Позднее выяснилось, что эту работу выполнял Международный Красный крест и ему я обязана своим счастьем. Уточнила адрес и стала писать туда каждую неделю, но ответа не было.

Я совсем потеряла надежду и ...вдруг мне вручают помятую почтовую открытку. Всё-таки я счастливая, ведь она могла потеряться, пропасть! В открытке был написан адрес по которому проживали Гриша с Элочкой: Ставропольский край, Краснощёковский район, деревня Верхняя Камышенка.

Я бросилась в кабинет начальника госпиталя и со слезами рассказала ему, что нашла ребёнка, потерянного в войну при бомбежке. Он был удивлен, что у меня есть ребёнок и что я никогда не рассказывала об этом. Конечно, он дал мне отпуск на две недели и, вызвав начальника продовольствия, велел ей собрать для меня понемногу разных продуктов.

Дочка

Я выехала на следующий день. Не помню сейчас дороги. Ехала поездом, но добравшись до районного центра Краснощеково узнала, что в деревню Верхняя Камышенка никакого транспорта нет и нужно идти пешком. Я не знала дороги, мне было страшно идти одной. Случайно увидела сарай, в котором находилась пожарная часть. Подошла к пожарникам, рассказала почему я здесь и со слезами умоляла помочь мне. Уговорила и в деревню въехала на пожарной машине. Вышла и стала спрашивать, где здесь живёт девочка Эла. Я ведь не знала жив ли Гриша. И мне сказали: это, наверное, та сирота, что живёт в крайней избе.

Когда я открыла дверь хаты, я увидела сидящих на полу детей. Они ели горячую картофельную шелуху, от которой шёл пар. Но моей дочки среди них не было. Рядом была комната и на кровати лежала моя доченька в том самом красном в горошек сатиновом платье, в котором я её потеряла. Она была худющая и бледная. Я схватила её на руки, стала целовать, но она узнала меня не сразу. А потом, когда узнала, вцепилась в меня и не на шаг не отпускала. Я открыла чемоданчик, где лежало печенье, шоколад, колбаса, но... она увидела кусочек хлеба и с жадностью схватила его. Я спросила её, почему она лежит в кровати и услышала в ответ: я наелась лебеды и теперь живот болит. Сердце разрывалось при взгляде на эту костлявую зелёную девочку, но я была счастлива, что она жива. Я нашла её! Я её вылечу! Я сказала дочке, что куплю ей всё, что она захочет. И она ответила: мама, купи мне цветастый платок. Говорила она по-деревенски.

Скоро пришли хозяйка избы и Гриша, они работали в поле. Он выглядел очень плохо. Рассказал, как они шли из Кисловодска с подводами лошадей и коров. Иногда удавалось подъехать на телеге и даже попить молоко. Я поняла, что он живёт с хозяйкой, она неприветливо на меня поглядывала. Элочка была очень слаба. Зелёный понос нужно было остановить. На счастье у меня был с собою рис. Я варила ей жидкие каши, пила чаем с сухариками и через несколько дней можно было тронуться в путь. Спали все на полу и около Гриши я увидела клоч газеты полный зелёной мокроты. Он стал мне совсем чужим, но сознание, что он сохранил ребёнка, заставило меня предложить ему ехать с нами, если он хочет. Гриша сразу согласился, попросил у хозяйки его документы и как был, так и пошёл. Вещей у них обоих не было никаких. Дело было летом и мы тронулись в путь. Приближался конец войны.

Мне удалось связаться с Кисловодском, и я попросила Марию Фоминишну приехать в Омск, где её ждут больной сын и внучка. О том, что они потерялись она ничего не знала. Мама и Сима плакали, глядя на Элочку, такая она была худая и бледная, а Гриша их просто испугал своим болезненным видом. Попросили Игоря, сына Симы, сводить Гришу в баню. Сима дала ему бельё и одежду мужа, благо оба были высокими. Мы начали аккуратно подкармливать Элочку. Из госпиталя я могла понемножку приносить необходимое. К тому времени и мама уже не вставала с кровати – туберкулёз перекинулся на печень. Начались боли, она кричала, ей стали часто вводить морфий. Жить всем вместе стало тяжело и я сняла однокомнатную квартиру, половину площади которой занимала русская печь. Приехала Мария Фоминишна. Она спала на печи. Мне стало невыносимо жить с Гришей. Болезнь сделала его злым, он старался заразить меня. Я снова уложила его в больницу.

Страшную историю рассказала Мария Фоминишна. Когда она вернулась с рытья окопов в Кисловодск, там вышел приказ всем евреям собраться в определенное место. Руководил сбором раввин. К ней домой прибежала моя младшая сестра Сара и просила спрятать её, но наш сосед, человек, которому я всегда помогала, давала деньги взаймы, выдал Сару. Он увидел, как она вошла в дом. На завтра пришли полицаи и Сару увели. Мария Фоминишна шла за толпой евреев до Минеральных вод. Она видела, как заставили более молодых рыть землю, потом

расстреливали людей, стоящих на края ямы. Мертвые падали вместе с ранеными, но живыми. Мария Фоминишна видела весь этот ужас и похоронила там Сару.

Маме становилось всё хуже и она скончалась с просьбой о морфии на устах. За гробом в сорока-пяти-градусный мороз шли я и Сима. Гроб везли на санях. Об этой картине больно и страшно вспоминать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.